

Report on Hate Speech. Seoul: National Human Rights Commission of Korea, October 2019. 84 p.

이동혁, 정지수, 이송호. 이슬람포비아, 한국 무슬림, 사회갈등, 갈등해결, 다문화 사회, 지역사회 경찰활동. — 형사정책연구 제33권 제1호 (통권 제129호, 2022 봄). Pp. 193–226.

SHUPLETSOVA Ksenia Vasilievna, *Researcher of the Center “State and Religion in Asia”, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: k.shupletsova@iccaras.ru*

THE PROBLEM OF ISLAMOPHOBIA IN SOUTH KOREAN SOCIETY

Abstract. South Korea is a multi-religious country and officially declares its desire to achieve interreligious peace and harmony. However, anti-Muslim sentiments have been on the rise in South Korean society. They can be divided into several waves: 2016, 2018, 2021, caused primarily by world events, as well as internal conflicts. The roots of Islamophobia lie in the negative image of Muslims in the news and the anti-Muslim activities of Protestant associations. Muslim migrants face hate speech and discrimination from South Koreans.

Keywords: Republic of Korea, religion, Islamophobia, Protestantism in South Korea.

СИГАУРИ-ГОРСКИЙ Егор Русланович — научный сотрудник, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия, Нахимовский пр., 32, 117997

10.56700/y2584-9257-6543-y

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН АСЕАН В СФЕРЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСЛАМСКОЙ И БУДДИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

Аннотация. В статье исследуются вопросы взаимодействия между национальной политикой и религиозными практиками в странах Юго-Восточной Азии, акцентируя внимание на репрезентации исламской и буддийской политико-правовых культур. Рассматриваются

коллизийные проблемы законодательства, обычных практик и международных стандартов прав человека. Анализ демонстрирует необходимость усиления сотрудничества между государственными структурами, гражданским обществом и международными организациями, что в перспективе является ключом к достижению инклюзивности и справедливости в регионе.

Ключевые слова: АСЕАН, национальная политика, Юго-Восточная Азия, буддийская правовая традиция, исламское право, национальные меньшинства, права человека.

Введение
Регион Юго-Восточной Азии (ЮВА) представляет собой уникальное переплетение культур и религий, наций и народов. Отечественные востоковеды в советский период определили три основные зоны классификации населения по религиозному признаку: в первой зоне, к которому принадлежит фактически весь Индокитай, доминирует буддизм. Вторая зона — мусульманская, к которой относится преимущественно государства островной части ЮВА. Наконец, третья зона — христианская (преимущественно католическая), к которой относятся Филиппины и Восточный Тимор. При этом во всех указанных зонах малые народы сохраняют принадлежность традиционным религиозным, социальным и культурным традициям [Губер, Маретин, Тумарков, Чебоксаров 1966: 16]. Кроме того, важной особенностью региона ЮВА выступает фактор расчлененности многих этносов между различными государствами, что в известной степени обусловлено недальновидностью колониальной политики европейских государств, проводивших делимитацию территориальных границ без оглядки на интересы и особенности населения своих «владений» [Юго-Восточная Азия... 1977: 175—176]. Особенно многообразным, как следствие этого, является плюрализм политико-правовых культур государств региона. Так, в регионе одновременно сосуществуют буддийская правовая традиция, доминирующая в странах Индокитая, социальная философия и этика конфуцианства, исламское право, доминирующее в островной части региона; наличествуют многочисленные заимствования из правовых систем бывших стран-колонизаторов, принадлежащих к романо-германской и англо-саксонской правовым семьям, наконец, но не в последнюю очередь, исторически сильно многообразное обычное право многочисленных малых коренных народов.

В такой ситуации, например, у малочисленных буддийских этносов островных государств возникает потребность в отражении принятого религиозного/обычного права в позитивном государственном законодательстве. И наоборот, исламские меньшинства Индокитая нуждаются в обеспечении независимости их правовой культуры в условиях доминирования светских или иных религиозных правовых систем и традиций. В связи с этим цель данного исследования состоит в том, чтобы раскрыть основные направления национальной политики стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в отношении репрезентации исламской и буддийской политико-правовых культур. Для достижения

Рис. 1. Иллюстрированная карта правовых традиций государств Юго-Восточной Азии

Источник: составлено автором

поставленной цели исследование адаптирует совокупность общенаучной (формальной логики), частно-научной (социологический, культурологический, аксиологический методы) и специальной методологии (формально-юридический метод, метод юридической герменевтики), которые позволяют раскрыть социально-политическую и юридическую сущность и специфику национальной политики государств ЮВА в репрезентации рассматриваемых политико-правовых культур как направление целенаправленной государственной деятельности в юридической сфере общественной жизни в целях поддержания межнационального и межконфессионального мира. Результаты исследования могут быть полезны в сфере деятельности отечественной законодательной и исполнительной властей, а также для иных многонациональных/мульти конфессиональных государств постсоветского пространства.

Вопросы конституционно-правовой репрезентации доминирующих религий

Важность доминирующей религии в странах ЮВА отражается на позитивном законодательстве стран, в том числе воплощается на конституционном уровне. Согласно ст. 43 Конституции Камбоджи, буддизм признается государственной религией, а ст. 68 закрепляет обязательство государства поддерживать и способствовать развитию буддийских школ¹³³. Ст. 67 действующей Конституции Таиланда утверждает, что государство, «под-

¹³³ The Constitution of the Kingdom of Cambodia 1993. — *The Compendium of Cambodian Laws, Council for the Development of Cambodia, UNDP Project CMB96-005*. URL: https://cambodia.ohchr.org/sites/default/files/Constitution_ENG.pdf (accessed 18.11.2024)

держивая и защищая буддизм, который является религией, исповедуемой большинством тайского народа на протяжении длительного периода времени, должно поощрять и поддерживать образование и распространение дхармических принципов буддизма тхеравады для развития ума и мудрости, а также иметь меры и механизмы для предотвращения подрыва буддизма в любой форме. Государство также должно поощрять буддистов к участию в реализации таких мер и механизмов»¹³⁴. Схожее положение предусматривает и Конституция Мьянмы, ст. 361 которой гласит: «Союз признает особое положение буддизма как веры, исповедуемой подавляющим большинством граждан Союза»¹³⁵. Согласно социологическому опросу Pew Research Center, большинство буддистов в рассматриваемых странах выступают за то, чтобы национальное законодательство основывалось на буддийской религиозной этике, социальной и политической философии. Такая точка зрения практически единодушна среди буддистов Камбоджи (96%) и насчитывает более половины от опрошенных в Таиланде (56%). При этом, как отмечается в отечественной литературе, сангха (монашеская община) в современной Камбодже в последнее десятилетие значительно расширила свою социально-политическую деятельность, а конституционно предусмотренный институт королевской власти в Таиланде по-прежнему значительно укоренен в традиционных ритуалах и принципах буддийских представлений о королевской власти [Бектимирова, Кириченко, Липилина, Цветов 2024: 252–253].

«Зеркальная» ситуация наблюдаются в исламских странах ЮВА — Индонезии и Малайзии, где подавляющее большинство населения поддерживает основание национального законодательства на основе шариата [Buddhism, Islam... 2023]. При этом п. 4 ст. 11 Конституции Малайзии предусматривает, что «государственное законодательство, а в отношении федеральных территорий Куала-Лумпур, Лабуан и Путраджая — федеральные законы могут контролировать или ограничивать распространение любых религиозных доктрин или убеждений среди лиц, исповедующих ислам»¹³⁶. Индонезийская Конституция, впрочем, адаптирует иной подход. П. 1 ст. 29 провозглашает, что «Государство основывается на вере в Единого и Единственного Бога»¹³⁷, но этот принцип не отождествляется

¹³⁴ Constitution of the Kingdom of Thailand. — *Constitutionnet*. URL: [https://constitutionnet.org/sites/default/files/2017-05/CONSTITUTION+OF+THE+KINGDOM+OF+THAILAND+\(B.E.+2560+\(2017\)\).pdf](https://constitutionnet.org/sites/default/files/2017-05/CONSTITUTION+OF+THE+KINGDOM+OF+THAILAND+(B.E.+2560+(2017)).pdf) (accessed 18.11.2024)

¹³⁵ Constitution of the Republic of the Union of Myanmar 2008. — *Myanmar Law Library*. URL: https://www.myanmar-law-library.org/IMG/pdf/constitution_de_2008.pdf (accessed 18.11.2024)

¹³⁶ Laws of Malaysia. Federal Constitution. — *Judicial Appointments Commission*. URL: https://www.jac.gov.my/spk/images/stories/10_akta/perlembagaan_persekutuan/federal_constitution.pdf (accessed 18.11.2024)

¹³⁷ The 1945 Constitution of the Republic of Indonesia. — *Jaringan Dokumentasi Dan Informasi Hukum Nasional*. URL: <https://jdih.bapeten.go.id/unggah/dokumen/peraturan/116-full.pdf> (accessed 18.11.2024)

с исламом или какой-либо иной религией [Торкунов, Воскресенский, Белокреницкий, Сапронова 2005: 468].

Опыт национальной политики репрезентации политико-правовых традиций исламских и буддийских меньшинств: скромные достижения и масштабные проблемы

В настоящее время национальная политика некоторых стран Юго-Восточной Азии предусматривает ряд дозволений и «изъятий» религиозных меньшинств из сферы действия основных законов в сфере гражданского права. **Филиппины.** Ст. 33 гл. 2 Семейного кодекса Филиппин предусматривает допустимость многоженства для мусульман или иных малочисленных этносов, если таковое считается обычной религиозной практикой: «Браки между мусульманами или членами этнических культурных общин могут быть заключены на законных основаниях, без необходимости получения разрешения на брак, если они заключены в соответствии с их обычаями, обрядами или практикой»¹³⁸. При этом на Филиппинах существует серьезная проблема с практикой насильственных браков детей, а в XX в. по замечанию С.Е. Смирных, практиковалось насильственное исчезновение детей [Смирных 2020: 22]. По данным ЮНИСЕФ, на 2022 г. в Филиппинах процент женщин (в возрасте 20–24 лет), вышедших замуж или состоящих в союзе до 15 лет, составлял от 1,5% до 9,4%¹³⁹. В 1977 г. был принят Президентский указ № 1083 (Кодекс мусульманских личных законов) «о принятии и обнародовании кодекса, признающего систему филиппинских мусульманских законов, кодифицирующего мусульманские личные законы, обеспечивающего их управление и преследующего другие цели». Указом № 1083 были учреждены шариатские суды в пяти специальных судебных округах, расположенных на юге страны. Шариатские суды могут рассматривать только дела, касающиеся личных законов, затрагивающих семейные отношения и имущество мусульман, то есть отношения гражданско-правового характера, в то время как в сфере уголовного права нормы шариата не применяются. Согласно ст. 16 Указа № 1083: «любой мусульманин мужского пола не моложе пятнадцати лет и любая мусульманка, достигшая возраста половой зрелости или старше», могут вступать в брак с разрешения опекуна¹⁴⁰. В то же время хорошо известно, что детские браки запрещены основополагающими международными кон-

¹³⁸ Executive Order No. 209 The Family Code of the Philippines July 6, 1987. — *ChanRobles Virtual Law Library*. URL: <https://chanrobles.com/executiveorderno209.htm> (accessed 18.11.2024)

¹³⁹ UNICEF Data Warehouse — *UNISF*. URL: https://data.unicef.org/resources/data_explorer/unicef_f/?ag=UNICEF&df=GLOBAL_DATAFLOW&ver=1.0&dq=PT_F_20-24_MRD_U15+PT_M_20-24_MRD_U18+PT_F_20-24_MRD_U18+PT_M_15-19_MRD+PT_F_15-19_MRD..&startPeriod=2016&endPeriod=2023 (accessed 18.11.2024)

¹⁴⁰ Presidential Decree No. 1083 A Decree to Ordain and Promulgate a Code Recognizing the System of Filipino Muslim Laws, Codifying Muslim Personal Laws, and

венциями. П. 2 ст. 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. устанавливает, что «обручение и брак ребенка не имеют юридической силы и принимаются все необходимые меры, включая законодательные, с целью определения минимального брачного возраста и обязательной регистрации браков в актах гражданского состояния»¹⁴¹. Следует отметить, что в 2022 г. был принят Закон № 11596, запрещающий практику детских браков и устанавливающий наказания за их нарушение¹⁴². Однако в данном случае наличествует очевидная коллизия между признанием подобных действий национальными/религиозными традициями в рамках национального законодательства и обязательствами государства по международным договорам.

Сингапур. Ст. 152 Конституции Сингапура гласит, что правительство несет ответственность за защиту интересов всех расовых и религиозных меньшинств в стране, а ст. 153 предусматривает создание официальных органов для регулирования мусульманских религиозных дел малайских меньшинств и консультирования президента по вопросам, касающимся ислама¹⁴³. Культурное и политическое представительство групп меньшинств также предусмотрено в Конституции. Кроме того, п. «а» статьи 39 предусматривает создание избирательных округов группового представительства, где по крайней мере один из кандидатов или депутатов должен быть членом этнорелигиозных меньшинств в Сингапуре [Harmony Laws... 2021: 24]. Несомненным позитивным новшеством законодательства Сингапура следует считать аброгацию проблемного и устаревшего Закона о подстрекательстве 1948 г. в ноябре 2022 г.¹⁴⁴. Однако для законодательной повестки Сингапура по-прежнему представляется актуальным рассмотреть возможность присоединения государства к основным международным конвенциям в области прав человека¹⁴⁵.

Providing for Its Administration and for Other Purposes. — *The LawPhil Project*. URL: https://lawphil.net/statutes/presdecs/pd1977/pd_1083_1977.html (accessed 18.11.2024)

¹⁴¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. — *ООН. Конвенции и соглашения*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (проверено 18.11.2024)

¹⁴² Republic Act 11596: An Act Prohibiting the Practice of Child Marriage and Imposing Penalties for Violations Thereof. 2021. — *Philippine Commission on Women*. URL: <https://pcw.gov.ph/repUBLIC-act-11596-an-act-prohibiting-the-practice-of-child-marriage-and-imposing-penalties-for-violations-thereof/>

¹⁴³ Constitution of the Republic of Singapore. — *Constitute*. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Singapore_2016 (accessed 18.11.2024)

¹⁴⁴ Commencement of the Sedition (Repeal) Act 2021. 2022. — *Ministry of Home Affairs of the Republic of Singapore*. URL: <https://www.mha.gov.sg/mediaroom/press-releases/commencement-of-the-sedition-repeal-act-2021/> (accessed 18.11.2024)

¹⁴⁵ The Core International Human Rights Instruments and their monitoring bodies. — *United Nations Human Rights Office of the High Commissioner*. URL: <https://www.ohchr.org/en/core-international-human-rights-instruments-and-their-monitoring-bodies> (accessed 18.11.2024)

Бруней-Даруссалам. Правительство Брунея гарантирует, что юрисдикция шариатских судов страны распространяется только на мусульман. Однако одновременно с этим власти обязуют население всегда иметь при себе удостоверение личности с указанием национальной принадлежности, а этнические малайцы автоматически признаются мусульманами [Ефимова 2014: 32] и, следовательно, являются субъектами правоотношений в рамках нормативной системы шариата (в отличие от представителей иных национальностей). Однако наиболее проблематичными представляются положения действующего Шариатского уголовного кодекса страны, который был принят в 2013 г. и вступил в силу в 2019 г. Так, целый ряд положений кодекса представляются противоречащими обязательствам государства по основным договорам в области прав человека: ст. 209 устанавливает уголовную ответственность за пропаганду любой религии, отличной от ислама, среди мусульман или лиц, не исповедующих никакую религию; ст. 210 устанавливает уголовную ответственность за убеждение мусульман сменить религию, оставить ислам или испытывать к нему неприязнь; ст. 211 устанавливает уголовную ответственность за убеждение неверующего в ислам стать верующим в религию, отличную от ислама, или убеждение в отвращении к исламу, способствование неприязни к исламу; ст. 212 устанавливает уголовную ответственность за ознакомление мусульманских детей с другими религиями; ст. 213–215 устанавливают уголовную ответственность за печать, распространение, импорт, передачу в эфир или распространение публикаций, противоречащих предписаниям Шариата¹⁴⁶. Кроме того, положения кодекса также запрещают мусульманам поклоняться любому «человеку», «месту», «природе» или любому «предмету», «вещи» или «животному», что противоречит Шариату (ст. 216); использовать слова, зарезервированные для ислама, для выражения любого «факта, убеждения, идеи, концепции, действия, деятельности [или] вопроса», связанного с другими религиями (ст. 217); пренебрегать или противостоять исламским религиозным авторитетам (статья 230). Мусульманам Брунея также запрещено отрекаться от ислама. Наконец, п. 5 ст. 4 ч. III Конституции государства предусматривает назначение на высокие посты в правительстве исключительно для этнических малайцев, исповедующих «исламскую религию»: «Министры и заместители министров назначаются из числа малайцев, исповедующих исламскую религию, за исключением случаев, когда Его Величество Султан и Ян Ди-Пертуан принимает иное решение»¹⁴⁷. Данные положения прямо противоречат ст. 18 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая указывает, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести

¹⁴⁶ Sharia Penal Code Order, 2013. — *Attorney General's Chambers Prime Minister's Office of Brunei Darussalam*. URL: https://www.agc.gov.bn/agc%20images/laws/gazette_Pdf/2013/en/syariah%20penal%20code%20order2013.pdf (accessed 18.11.2024)

¹⁴⁷ Constitution of Brunei Darussalam Revised Edition 2011. — *Attorney General's Chambers Prime Minister's Office of Brunei Darussalam*. URL: https://www.agc.gov.bn/AGC%20Images/LOB/cons_doc/constitution_i.pdf (accessed 18.11.2024)

и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообщая с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов»¹⁴⁸.

Таиланд. Согласно Закону о применении исламского права в территориальных юрисдикциях провинций Паттани, Наратхиват, Яла и Сатун 1946 г. положения исламского права о семье и наследовании, за исключением положений о давности в отношении наследования, применяются вместо соответствующих разделов Гражданского и Торгового кодексов при вынесении решений по гражданским делам, касающимся вопросов семьи и наследования среди мусульман¹⁴⁹. Кроме того, в Таиланде существует специальная судебская должность, отвечающая за отправление правосудия в соответствии с нормами и традициями исламского права, именуемая «Дато Ютитхам». Данный термин происходит от смешения малайских и тайских слов и используется для отличия данной категории от судей Суда справедливости, Конституционного суда и административных судов [Imaizumi 2017: 23]. Однако отмечается, что исламско-правовое регулирование отношений семьи и наследстве также содержит неблагоприятные для мусульманских женщин Таиланда положения, игнорируя равные права во время бракоразводных процессов в суде. Кроме того, в шариатских судах отсутствует система контроля за выплатой алиментов разведенными мужьями своим бывшим женам, что ограничивает возможность судов по обеспечению исполнения своих решений. Женщины также не могут занимать должность «Дато Ютитхам» [Restricting Diversity... 2022: 56].

Камбоджа. В феврале 2022 г. было объявлено о кампании по назначению большего числа мусульман на руководящие должности в местных органах власти, где проживает значительное число мусульман, в результате чего были назначены 12 заместителей губернаторов провинций и 32 заместителя глав районов по всей стране¹⁵⁰. В настоящее время идет разработка по принятию окончательной версии нового Закона о религии, вместе с которым будет выпущен специальный видеофильм о преподавании морали, распространении информации и обучении ролям и обязанностям священников, настоятелей и комитетов пагод¹⁵¹. В то же время, по

¹⁴⁸ Universal Declaration of Human Rights 1948. — *United Nations*. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (accessed 18.11.2024)

¹⁴⁹ Act on Application of Islamic Law in the Provinces of Pattani, Narathiwat, Yala and Satun BE 2489 (1946). — *The Muslim Family Law Index*. URL: <https://muslimfamilylawindex.com/wp-content/uploads/2023/01/Act-on-Application-of-Islamic-Law-in-the-Provinces-of-Pattani-Narathiwat-Yala-and-Satun-1946.pdf> (accessed 18.11.2024)

¹⁵⁰ 2022 Report on International Religious Freedom: Cambodia. — *U.S. Embassy in Cambodia*. URL: <https://kh.usembassy.gov/2022-report-on-international-religious-freedom-cambodia/> (accessed 18.11.2024)

¹⁵¹ Punreay H. 2024. Ministry prepares draft law on religion. — *Khmer Times*. URL: <https://www.khmertimeskh.com/501424155/ministry-prepares-draft-law-on-religion/> (accessed 18.11.2024)

данным Посольства США в Камбодже, социологические данные опросов мусульман-чамов показывают, что они по-прежнему ощущают институциональные и культурные барьеры, препятствующие полной интеграции в камбоджийское общество¹⁵².

Индонезия. П. 2 ст. 28J Конституции Индонезии с поправками, внесенными в 2000 г. и отраженными в Законе № 39 1999 г. о правах человека¹⁵³, гласит, что свобода выражения мнений, мысли, совести и религии может быть подвергнута ограничениям, установленными законом для целей обеспечения «морали, религиозных ценностей, безопасности и общественного порядка в демократическом обществе»¹⁵⁴. Однако данное конституционное положение противоречит обязательствам Индонезии в соответствии со ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., поскольку ст. 18 не включает «религиозные ценности» в качестве допустимого обоснования для ограничения свободы выражения мнений¹⁵⁵. Проблемным также представляется Закон № 1/PNPS/1965 о предотвращении злоупотребления религией и/или богохульства, запрещает формы выражения и деятельность, которые «противоречат основным учениям» «определенной религии, принятой народом Индонезии»¹⁵⁶. Положения данного закона послужили основой и для ст. 156а Уголовного кодекса Индонезии, которая устанавливает меру пресечения в виде пяти лет лишения свободы за преднамеренные публичные заявления или действия, которые оскорбляют или порочат любую из шести официально признанных религий (ислам, буддизм, христианство — католицизм и протестантизм, индуизм, конфуцианство) или имеют целью помешать человеку придерживаться религии¹⁵⁷. Международное право прав человека не защищает непосредственно религиозные убеждения индивида от «оскорблений» или «богохульства», подчеркивая, что уголовное преследование лиц за подобного рода деяния нарушает право на свободу выражения мнения. В академической литературе дан-

¹⁵² Cambodia Report. U.S. — Embassy in Cambodia. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/171650.pdf> (accessed 18.11.2024)

¹⁵³ Law of the Republic of Indonesia Number 39 of 1999 on Human Rights. *FAOLEX Database*. — URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/ins211886.pdf> (accessed 18.11.2024)

¹⁵⁴ The 1945 Constitution of the Republic of Indonesia. — *Jaringan Dokumentasi Dan Informasi Hukum Nasional*. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/ins211886.pdf> (accessed 18.11.2024)

¹⁵⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах. — *ООН. Конвенции и соглашения*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/racpol.shtml (проверено 18.11.2024)

¹⁵⁶ Penetapan Presiden Nomor 1 Tahun 1965 Tentang Pencegahan Penyalahgunaan dan/atau Penodaan Agama. — *Peraturan*. URL: <https://peraturan.go.id/id/penpres-no-1-tahun-1965> (accessed 18.11.2024)

¹⁵⁷ Indonesian Penal Code. Ministry of Law — *Republic of Indonesia*. URL: https://centralauthority.kemenkumham.go.id/images/PDFmedia/1_Indonesia_Penal_Code--update.pdf (accessed 18.11.2024)

ные законодательные положения Индонезии получают противоречивые оценки как среди представителей индонезийской, так и западной науки [Hwian 2013; Crouch 2012].

Заключение

В заключение анализ национальной политики стран Юго-Восточной Азии демонстрирует сложный, многогранный и подчас весьма противоречивый характер взаимодействия между местным законодательством, религиозными практиками и международными стандартами прав человека, который, как следует из приведенного анализа, показывает очевидные коллизии, прежде всего, между законодательной политикой и обязательствами государств по универсальным конвенциям в сфере прав человека. В целях разрешения накопившихся противоречий и повышения эффективности национальных политик репрезентации этнорелигиозных меньшинств необходимо решительное усиление сотрудничества между государственными структурами, представителями непосредственно гражданского общества и международными организациями, занимающимися вопросами способствования обеспечения прав человека, для создания устойчивого диалогового механизма в регионе. Лишь через комплексный подход, учитывающий как культурные традиции, так и действительную государственную политику и международные обязательства, возможно добиться значимого прогресса в решении актуальных проблем инклюзивности и справедливости в государствах Юго-Восточной Азии.

Список литературы

Бектимирова Н.Н., Кириченко А.Е., Липилина И.Н., Цветов П.Ю. *Страны Индокитая и в XXI веке: многообразие политических систем: монография.* — М.: Издательский дом ВКН. 2024. 336 с.

Ефимова Л.М. *Ислам в Юго-Восточной Азии: XXI век: учеб. пособие.* — М. 2014. 205 с.

Народы Юго-Восточной Азии / под ред. А.А. Губера, Ю.В. Маретина, Д.Д. Тумаркина, Н.Н. Чебоксарова. — М.: Наука. 1966. 761 с.

Смирных С.Е. *Противодействие насильственным исчезновениям детей в меняющемся миропорядке.* — Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. № 4. С. 21–33.

Торкунов А.В., Воскресенский А.Д., Белокрыцкий В.Я., Сапронова М.А. *Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие.* — М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ. 2005. 576 с.

Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. — М.: Наука. 1977. 343 с.

Buddhism, Islam and Religious Pluralism in South and Southeast Asia. 2023. — *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/>

religion/2023/09/12/buddhism-islam-and-religious-pluralism-in-south-and-southeast-asia/ (accessed 18.11.2024)

Crouch M.A. 2012. Law and Religion in Indonesia: The Constitutional Court and the Blasphemy Law. — *Asian Journal of Comparative Law*. Vol. 7. P. 1–46.

Harmony Laws in Southeast Asia. Majority Dominance, Minority Repression. 2021. — *Asia Centre*. P. 1–64. URL: <https://asiacentre.org/wp-content/uploads/Harmony-Laws-in-Southeast-Asia-Majority-Dominance-Minority-Repression.pdf> (accessed 18.11.2024)

Hwian C. 2013. Arti Penting UU No. 1/PNPS/1965 Bagi Kebebasan Beragama. — *Jurnal Yudisial*. Vol. 6. No. 1. P. 1–16.

Imaizumi Sh. 2017. The Application of Islamic Law in Thailand. — *IDE Discussion Paper No. 660*. P. 1–32.

SIGAURI-GORSKIJ Egor Ruslanovich, Research Fellow, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky pr. 32, 117997, Moscow, Russian Federation

PECULIARITIES OF NATIONAL POLICIES OF ASEAN STATES IN THE SPHERE OF REPRESENTATION OF ISLAMIC AND BUDDIST POLITICAL AND LEGAL CULTURES

Abstract. The article explores the complex interplay between national policies, human rights and religious practices in Southeast Asian countries, focusing on the representation of Islamic and Buddhist political and legal cultures. South-East Asia is characterized by a rich tapestry of cultures and religions, with significant implications for the legal frameworks governing minority rights. Consequently, the study highlights multiple contradictions between positive local legislation, religious practices and international human rights standards, particularly concerning the rights of vulnerable groups, such as women and children. In the Philippines, for instance, the allowance of polygamy and child marriages for Muslims under national law raises serious concerns about the protection of individual rights. On the other hand, the Sharia Law in the Muslim-majority states of ASEAN tends to overpower the rights to proselyte for the non-Islamic residents, while the Buddhist-majority countries experience the same issue in a mirrored way. Conversely, Singapore demonstrates a more progressive approach to safeguarding the interests of racial and religious minorities, yet still faces challenges in aligning its legal framework with international human rights conventions. The analysis underscores the urgent need for enhanced collaboration among government entities, civil society, and international organizations to establish a sustainable mechanism for human rights protection in the region. A comprehensive approach that considers both cultural traditions and international obligations is essential for achieving meaningful progress in addressing the pressing issues of

inclusivity and justice in Southeast Asian states. By fostering dialogue and cooperation, the region can work towards a more equitable legal landscape that respects and upholds the rights of all its diverse populations.

Keywords: ASEAN, national policy, Southeast Asia, Buddhist legal tradition, Islamic law, national minorities, Human Rights
